

Набоков Владимир
(писатель-гуманист)

24.1.02

Черновики нападок и восхищения

Гуманист Набоков препарирует «Дон Кихота»

Независимая - 2002 - 24 янв с. 9.

Николай Мельников

Набоков В.В. Лекции о «Дон Кихоте». — М.: Издательство Независимая Газета, 2002, 336 с.

«Мои университетские лекции (Толстой, Кафка, Флобер, Сервантес) слишком сыры и хаотичны и никогда не должны быть опубликованы. Ни одна из них!» — такое категорическое распоряжение сделал Набоков в апреле 1972 года после ревизии материалов, оставшихся от его преподавательской подценщины в Корнелле и Гарварде. При жизни писателя из его лекций не было опубликовано ни строчки. Но уже три года спустя после кончины Мастера его волю нарушили: к радости набокофилов и набокованцев на свет Божий были извлечены лекции о западноевропейских писателях (Джейн Остин, Диккенс, Флобер, Стендаль, Пруст, Кафка, Джойс); чуть позже появились «Лекции по русской литературе», а в 1983 году — «Лекции о «Дон Кихоте», прочитанные Набоковым весной 1952 года в Гарвардском университете.

Это, конечно, чушь...

Во второй половине девяностых «Издательство Независимая Газета» одарило российских читателей превосходными переводами двух первых томов набоковских лекций. Теперь нашему вниманию предлагаются «Лекции о «Дон Кихоте» — третья панель литературоведческого триптиха Владимира Набокова. Знакомая с ней, во избежание

разочарований и недоразумений будем помнить и о завещании писателя, и о том, что перед нами действительно «сырые и хаотичные» лекционные материалы, сведенные в единое целое после кропотливых текстологических изысканий. Без учета этих факторов можно легко скатиться до уровня одного беллетриста, года два назад разразившегося сальерической статьей, начиненной нелепыми придирками к «Лекциям по зарубежной литературе» (по сути, к изданным против авторской воли черновикам). Ругать набоковские лекции — проще простого, тем более что и сам «лектор» частенько дает для этого повод. Чего стоит хотя бы господствующий в книге описательно-парафразистический метод, до боли напоминающий высмеянный в «Даре» линёвский прием «междатных мостиков», когда авторская речь сводится к тощим прокладкам между внушительными цитатными блоками. (Добрую треть лекций занимает поглавный конспект «Дон Кихота», да и в основном тексте пространный пересказ и обильное цитирование занимают слишком большое место.)

Многих читателей может покоробить неистребимый снобизм Набокова, его тенденциозность, неспособность отрешиться от собственных эстетических установок, равно как и нарочитая эпатажность некоторых заявлений, откровенно рассчитанных на неискушенных американских студентов, вроде такого: «Дон Кихот» был назван величайшим из романов. Это, конечно, чушь». Историзм, объективная беспристрастность — качества, едва ли знакомые эксцентричному профессору Набокову, всегда подходившему к шедеврам далеких литературных эпох с собственной меркой и ценившему в них главным образом то, что было созвучно его писательскому опыту.

Как мы помним из «Комментария к «Евгению Онегину», Сервантес не входил в число любимцев Набокова и аттестовался как один из «глиняных идолов академической традиции». Неудивительно, что автор «Лекций

о «Дон Кихоте» особо с ним не церемонится и порой выступает не столько в роли исследователя, сколько в качестве придирчивого критика и ревнивого соперника, жадно подмечающего слабости и изъяны у потенциального конкурента: придирчиво выискивает примеры «безжизненного, искусственного, шаблонного описания природы»; ехидно указывает на композиционную неслаженность, громоздкие вставные новеллы и разного рода сюжетные неувязки; бракует сцену рокового поединка Дон Кихота с Самсоном Карраско («Весьма невыразительная сцена. Автор устал. По-моему, он мог бы вложить в нее гораздо больше выдумки, сделать гораздо забавнее и увлекательнее. Эта сцена должна была бы стать кульминацией романа, самой яростной и упорной битвой в целой книге!»). Сам роман объявляется «сущим пугалом среди шедевров», «лоскутной, бессвязной историей, спасенной от распада лишь изумительным инстинктом автора».

Добавьте сюда терминологическую небрежность (лектор благополучно отождествляет понятия «тема» и «структурный прием»), ритуальные выпады против Достоевского — автора «совершенно безответственных и старомодных романов, где десяток людей устраивают грандиозный скандал в купе спального вагона — который никуда не едет», — и у вас сложится впечатление, что перед нами всего лишь очередной набор набоковских «твердых суждений».

Гениальный ход!

Но воздержимся от поспешных выводов. Тот, кто даст себе труд внимательно прочитать «Лекции о «Дон Кихоте», найдет в них немало любопытного и даже неожиданного — того, что разрушает шаблонный образ холодного и жестокосердого насмешника Набокова.

Первая неожиданность: вопреки прежним декларациям, третирующим «так называемую реальную жизнь» как презренный «мир общих мест», убогую абстракцию, абсолютно чуждую литературе, профессор Набоков

Набоков.

Карикатура Дэвида Левина

воссоздает историко-культурный контекст «Дон Кихота» (две первые главы — «Где? «Дон Кихота» и «Когда? «Дон Кихота», едва ли не самые лучшие в книге) и не забывает о нем на протяжении всего цикла лекций, проводя интересные параллели между вымышленной вселенной романа и его реальным фоном (так, ночное бдение над оружием «новообращенного» Рыцаря печального образа вызывает у лектора ассоциацию с Игнатием Лойолой, который «накануне основания Общества Иисуса провел ночь перед престолом Девы Марии, подобно совершающим бдение рыцарям» из романов).

Еще один приятный сюрприз: разбирая «Дон Кихота», профессор Набоков все больше и больше увлекается «лоскутной, бессвязной историей» и дезавуируя собственные приговоры, все чаще и чаще одаривает Сервантеса восторженными похвалами: «Ка-

кой мастерский прием!», «восхитительный, гениальный ход», «превосходно написанная глава», «тонкое искусство, с которым Сервантес чередует включения своего героя, выше всяких похвал...». Перед нами уже не высокомерный критикан, а чуткий и взыскательный Мастер, который способен отрешиться от предубеждений и по достоинству оценить удачу собрата по перу. В конце концов Набоков признает гениальной удачей образ главного героя, который «благодаря художественному и нравственному гению своего создателя стал художественной реальностью для читателей всех времен». Подобные признания с лихвой искупают все прежние снобистские выходки.

С нежностью и гордостью

Но самая главная неожиданность заключается в том, что Набоков проникается настоя-

щей любовью к злополучному Рыцарю печального образа. «Борец с неправдой», «светоч и зеркало всего странствующего рыцарства», «враг чародеев», «защитник страждущих влюбленных», «покровитель обиженных девиц» настолько очаровывает лектора, что тот начинает горько сетовать на частые поражения своего любимца, и наоборот, простодушно радуется донкихотовым победам, безоговорочно оправдывая чудачества обаятельного безумца: «В интересах художественного равновесия нашему рыцарю совершенно необходимо одержать легкую и красивую победу в двенадцатой главе. Участники похоронной процессии получили по заслугам — незачем было рядиться в ку-клукс-клановские балахоны и зажигать факелы». Щедро раздавая уничижительные эпитеты всем противникам «избавителя принцесс», гуманист Набоков обвиняет в «омерзительной жестокости» и самого Сервантеса и его персонажей. Увлекаясь, автор «Камеры обскуры» и «Под знаком незаконнорожденных» называет роман Сервантеса «настоящей энциклопедией жестокости», «одной из самых страшных и бесчеловечных из написанных когда-либо книг». На наших глазах происходит настоящее чудо: холодный эстет и формалист, заклеенный критиками как бездушное чудовище, превращается в «убежденного моралиста, избличающего грех, бичующего глупость, высмеивающего пошлость и жестокость, — утверждающего главенство нежности, таланта и чувства гордости».

И хотя бы ради этой волшебной метаморфозы вам просто необходимо прочитать «Лекции о «Дон Кихоте». Тем более что после них у вас непременно появится желание перечитать роман Сервантеса («сокровищницу наслаждений» и «залежи утех», как сказал бы сервантесовский герой) и вслед за Набоковым ощутить «безымянный озноб искусства» и «трепет эстетического удовольствия». Ради этого и стоило нарушить запрет великого художника. ■